

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Моя
Марусечка

Р О М А Н



МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.
К61 **Моя Марусечка / Вера Колочкова.** —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098160-1

Маруся и Никита знакомы всего два месяца — и вот они уже муж и жена! Они так похожи, деревенская простушка и юный врач. Каждого из них мать заставила забыть свою прежнюю любовь. И они послушно живут вместе. У Никиты и его бывшей жены скоро родится ребенок, только он не подозревает об этом. Как быть Марусе: продолжать хранить эту тайну или попробовать исправить чужие ошибки?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098160-1

— Ой, ну посмотрите же на нее, девочки! Скажите — правда же, прелесть?

Ксения Львовна театрально всплеснула ручками и устремила призывный взор на двух молоденьких продавщиц, застывших у нее за спиной.

— Д-да... Очень, очень хорошо... — неуверенно улыбнулась одна из девушек, глянув с сочувствием на Марусю.

А может, Марусе просто показалось, что с сочувствием. Может, она просто так улыбнулась, из профессиональной вежливости. Ей-то какая разница. Не ей же под венец идти в этом дурацком вычурном бело-кипенном платье...

Нет, само по себе платье, конечно, выглядело великолепно. Когда красовалось на стройном и правильно вытянутом по всем женским линиям манекене. Интересно, с кого только эти манекены лепят? Таких и фигур-то, скорее всего, в природе не существует. Раз, два и обчелся. Можно подумать, только им, этим фигурам, и поло-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

жено выходить замуж красиво. А остальным, которым природа такой радости не подарила, как быть? Терпеть над собой это вынужденное издевательство? И рассердиться никак нельзя — Ксения Львовна обидится...

Будущая свекровь приблизилась к Марусе своим легким кошачьим шагом, расправила большой белый цветок на лифе, потом снова отошла в сторону и, склонив голову по-птичьи набок, задумчиво проговорила:

— Да-да, вот это как раз хорошо. Вот это как раз то, что надо. Пройдись-ка немного, Маруся. И покрутись, покрутись. Вот так... Ах, прелесть какая!

«Фу ты, леший тебя разбери, — чертыхнулась в который уже раз Маруся, неловко дефилируя перед ее взором. — Какая, к чертям собачьим, тут может быть прелесть? Где ты эту прелесть разглядела, интересно? Обрядили человека в пыточный корсет, затянули веревочки на спине — дышать невозможно...»

Остановившись перед большим зеркалом, она робко подняла на себя глаза и невольно прижала ладошки к лицу, пытаясь остудить пылающие щеки. Еще немного — и в обморок бухнется. Вот уже два часа как эта пытка длится и длится. Саму бы ее, Ксению Львовну, укатать в эти корсеты да заставить тягать через голо-

Моя Марусечка

ву все это шуршащее и скользящее свадебное хозяйство... Хотя вот ей-то эти наряды больше бы подошли! Ну, не в смысле, чтоб под венец, конечно, а в смысле природной ее дамской элегантности. Наверняка она не скукожится в этих кринолинах да интимно шуршащих подъюбниках, и шею при этом в голые плечи с перепугу не втянет... Для Ксении Львовны все эти платья более подходящи — слишком уж они по-барски шикарные. А она, Маруся, смотрится в них, как пастушка, которую привезли с чистого поля забавы ради во дворец да заставили нарядиться во все господское. И впрямь, смешно же! Руки у нее пухлые, розово-белые, грудь вон снизу корсетом угнетенная, выперла кверху смешными бугорками, и плечи все время спрятать хочется, прикрыть их руками. И шею втянуть. А лицо, так вообще... Лицо у нее — это песня особая. Непонятно какая. С таким лицом только частушки в деревенском хоре голосить. Круглое, в желтых ярких конопушках, с ямочками на щеках и подбородке. Как мама говорит — красоты нет, а милоты впрок на всю жизнь хватит. А только ей, Марусе, от этой милоты особой радости нет, только наказание одно. Потому что никаких серьезных эмоций, кроме дурацкой умильной улыбочки, эта ее милота у людей и не вызывает. Ах, мол, веснушки, ах, щечки-ямочки...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Вот и Ксения Львовна, как в первый раз ее увидела, тоже руками всплеснула и начала умиляться, заодно всячески одобряя Никитин выбор. И свадьбу эту сама заторопила. Чего было ее торопить-то? Два месяца всего знакомы, сразу и замуж...

Вот правильно про Марусю говорит подружка Ленка, что она конформистка хренова! Вот так прямо и говорит — хренова. Ленка, она такая. Как скажет, так хоть стой, хоть падай. Зачем, говорит, замуж торопишься? Мало ли, что его маме понравилась. Что из того? Опять, что ль, всяким чуждым хотениям управлять собой позволяешь? А твои, мол, собственные принципы да желания где? И так гнежливо наехала, будто сотворила бедная Маруся что-то из ряда вон выходящее. А только никакого такого конформизма она в себе и не прочувствовала, если честно. Она ж не виновата, что у них с Никитой все получилось так лихо-скоропостижно. Хотя вот мама Марусина свою версию Ленкиному наезду выдвинула — завидует, мол, подруга по-черному. Сама увязла в бедном своем неказистом замужестве и подруге такой же судьбы желает. Так завидует, что не стоит Марусе ее и на свадьбу звать. Сглазит еще...

— Ну что, Марусь, берем? Хорошее платье, поверь мне. И зря ты так смущаешься, оно как

Моя Марусечка

раз все твои прелести очень выгодно подчеркивает! Сейчас еще фату прикинем, и все в порядке будет... Девочки, несите фату! — весело хлопнула в ладоши Ксения Львовна в сторону продавщиц, и те порскнули разом куда-то в сторону и вскоре торжественно внесли на вытянутых руках дымчато-белую длинную вуаль. «Сейчас взгромоздят мне это на голову, и я буду похожа на новогодний мешок с подарками...» — грустно подумала Маруся, обреченно подставляя голову под белое скользкое кипение.

— Нет! Нет! Девочки, не надо! Снимайте! Это здесь, пожалуй, лишнее... — громко скомандовала будущая свекровь. — Я думаю, Маруся, платье без этого атрибута лучше будет смотреться. Ты как считаешь?

— Да. Пожалуй, я тоже так думаю, — памятуя про Ленкино обвинение в конформизме и потому слегка выдержав паузу, будто борясь с некими внутренними сомнениями, медленно проговорила Маруся. — Фата тут уже ни к чему...

— Ага. Ни к чему. Лучше прическу красивую сделать. С цветами. Я тут в одном журнале видела, потом тебе покажу. Давай-ка лучше пройдишь еще! И спину выпрями, попривыкай как-то, вживись в образ. Ну, чего ты кислая такая? Устала?

— Нет, не устала. Волнуюсь, наверное...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А ты не волнуйся! Помни, что ты — прелесть! Никита, когда тебя в этом платье увидит, просто с ума сойдет!

— Так вы будете это брать или еще примерим? — осторожно подступилась к ним вежливая продавщица.

— Да. Будем брать. Это, — не удостоив ее взглядом, произнесла Ксения Львовна. И уже совсем другом тоном — родственным и по-своейски задушевым — обратилась к Марусе: — Иди, милая, переодевайся.

«Вот же интересно — как это ей удастся так своей интонацией управлять? — в который уже раз подивилась на будущую свекровь Маруся, резво направляясь в примерочную. — Так и хочется от ее ласкового голоса подпрыгнуть радостно, взвизгнуть и завертеться, как пуделек на задних лапках...»

— Да уж, хлебнешь ты с такой свекровушкой... — хохотнула тихонько ей на ухо одна из девчонок, помогающих разобраться со сложными шнуровками-ленточками.

— Почему? — вскинула на нее удивленные голубые глаза Маруся. — Почему это я хлебну?

— Да потому что подомнет она тебя под себя как пить дать... Видно же! — тихо прошипела девчонка, стрельнув глазом в щелку плохо задернутых занавесей. — Про таких говорят —

Моя Марусечка

мягко стелет, да жестко спать. Жить-то вместе, наверное, будете?

— Ну да, вместе...

— Да тихо ты, Маринка! — строго одернула товарку другая девчонка. — Кто тебя спрашивает-то? Вечно ты со своим языком. Хочешь место потерять, что ли?

— А что я? Я ничего. Я завидую просто... — подмигнув Марусе и улыбнувшись, тихо проговорила Маринка. — Свекровь — это не беда. Это, можно сказать, досадное недоразумение. Вот когда ни мужа, ни свекрови на горизонте не видно — это и есть настоящая беда. А сынок-то у нее как? Ничего хоть?

— Марина! Прекрати! Я кому сказала!

— Да ладно, девчонки. Лучше пожелайте мне счастья от души! — вздохнула наконец свободно Маруся, освободившись от тяжелого корсетного бремени. — Замуж, оно, конечно, не напасть...

— ...Лишь бы замужем не пропасть! — легко подхватила общительная Марина. — И в самом деле — счастья тебе! А со свекровкой все-таки ухо остро держи — ишь какая гордая мадам Дритатуева...

— Маруся! Ты где там? — колыхнулась занавеска, чуть оттянутая легкими пальчиками Ксении Львовны. — Поторопись, у нас с тобой еще масса дел запланирована на сегодня.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Иду-иду! Все, я переделалась уже!

— Проводите меня в кассу, будьте любезны. Платье оформите с доставкой на дом, — тихо проговорила в пространство зала Ксения Львовна, снова не удостоив взглядом оробевших девчонок. И впрямь — очень ловко это у нее получалось! Вроде и не хамит, и слова произносит голосом тишайшим да ровным, а такое чувство, будто они перед ней рабыни бессловесные... Зачем она так? Девчонки как девчонки! Нехорошо как-то. Марусе прямо и обидно стало за них. Так старались, расшаркивались...

— Хорошие какие девчонки! — сердито и немного с упреком озвучила свою мысль Маруся, когда они с Ксенией Львовной вышли из свадебного салона. Правда, сердитости и упрека она себе лишь самую капельку позволила. Испугалась. Посмотрела на потенциальную свекровь искоса — не обидела ли?

— Да. Хорошие. Наверное, — снисходительно проговорила Ксения Львовна. — Ты знаешь, я как-то никогда не обращаю внимания ни на продавцов, ни на официантов, ни на консьержек. Для меня они все на одно лицо... Слушай, Марусенька, мы же хотели еще открытки с приглашениями прикупить! Нам же для всех гостей не хватило! Пойдем, купим. Как хорошо, что я вспомнила!

Моя Марусечка

Она тут же увлекла Марусю к киоску с открытками и с воодушевлением принялась советоваться насчет цвета, размера и всяких других причиндалов этих самых открыток, и рассматривать их с придирчивой щепетильностью, что было Марусе совсем уж непонятно — какая разница, какие будут эти открытки! Можно и вообще телефонным звонком на свадьбу пригласить.

Потом, дома уже, отобедав и напившись чаю, они еще раз обсудили список гостей. Со стороны Маруси народу получалось мало. Кого ей особо приглашать-то, кроме мамы?

Родственников — раз, два и обчелся, одни только подружки в том списке числились. Ну, Анночка Васильевна еще, конечно же... Не образовалось у нее в жизни ни теть, ни дядь, ни племянников. Мама у родителей одна дочь была, а отец... Про отца вообще помолчать лучше. Хотя Ксения Львовна отмолчаться ей не позволила, пристала с ножом к горлу:

— Марусь, так я не поняла. У тебя что, папы вообще никогда не было, что ли? Он умер, да?

— Нет. Не умер.

— Тогда как же? Они с мамой развелись? Не живут вместе?

— Нет. Не живут.

— А ты что, не хочешь поддерживать с ним отношения? Ты извини меня, конечно, что я так

ВЕРА КОЛОЧКОВА

назойливо спрашиваю, но, может, все-таки стоит позвать его на свадьбу? Он же отец.

— Н-нет, не стоит...

— А мама твоя как считает? Можно, я с ней на эту тему поговорю?

— Нет! Нет, не надо с ней говорить! — От вопросов Ксении Львовны Маруся уже не знала куда деться. — Тут, понимаете... В общем, не надо, и всё...

— Да ты расскажи, Маруся, — проникновенно глядя ей в глаза, проговорила Ксения Львовна. — Чего ты так смущаешься? Мы же не чужие теперь. Мы всё друг о друге знать должны. У него другая семья, да?

Вот же пристала, липучка любопытная. Ну что, что Маруся рассказать должна? Что она этого самого отца отродясь не видывала? Что тема эта вообще у них в доме была запретной, с тех самых пор, как она себя помнить начала? Неприятной была тема, лежала «проклятьем на всем роду», как выражалась бабушка, когда еще жива была. И ей, стало быть, Марусе, тоже от того проклятья большой черный кусок достался. Прилетел камнем еще в раннем детстве, когда соседские мальчишки с их улицы вдруг заголосолили, показывая на нее пальцами:

— Эй, Мурка! Пацаны, она же никакая не Машка вовсе, а Мурка! Настоящая воровская

Моя Марусечка

дочка! Эй, Мурка, Маруська Климова, прости любимого!

Она тогда и не поняла толком, почему вдруг обрушилось на нее это ребячье смешливое презрение. А только окатило вдруг с головой, толкнуло в спину, заставило бежать домой, не чуя под собой ног. А дома — дрожащим голосом первый вопрос матери: за что они меня, мол...

— Вот! Вот оно! — поднял на мать сухой указующий перст дедушка, и бабушка враз поникла, затрясла плечами, зашлась в тихом плаче. — Не распознала вовремя, от кого дитя понесла, покрыла нас всех позором. А теперь и дитю всю жизнь из-за тебя маяться придется! Было, было тебе говорено, Надежда...

— Ой, да откуда ж я знала-то! Ну что вы мне душу рвете и рвете! Что у него, на лбу, что ль, написано было, кто он такой. Он же любил меня! По-настоящему любил. Да вы и сами его не гнали! Вспомните-ка!

— Ну да, не гнали... Есть тут, конечно, и наш грех. А зачем девке фамилию его дала? Зачем назвала так? Будто клеймо ей на всю жизнь поставила!

— Ой, да откуда ж я знала! Дура была, вот и назвала...

Заплакав и махнув на стариков рукой, мать ушла в свою светелку и не выходила ни к обе-